

Наталья Силантьева

Каникулы на Майорке

Наталья Силантьева. Родилась в Петербурге. По профессии — журналист. Долгое время проработала в различных петербургских газетах, включая «Деловой Петербург». Автор нескольких книг. «Каникулы на Майорке» — вторая публикация автора в журнале «Аврора».

Большинство русских приезжают на Майорку отдыхать — поплескаться в Средиземном море, погреться на жарком испанском солнышке, посидеть в ресторанах и устроить себе хороший шопинг.

А вот Аня с Надей приехали на Майорку работать — собирать альгарробас: плоды растений из семейства акаций — длинные коричневые стручки, изогнутые в виде сабель.

Рабочий день начинался в восемь утра. Томео, хозяин фермы, просовывал в дверь их комнаты бритую наголо голову: «Девушки, пора вставаться».

Томео, невысокий худощавый молодой человек с внимательными глазами, говорил по-русски, смешно коверкая слова и путаясь в ударениях. Девушки познакомились с ним в Питере, где он учил русский язык и просто тусовался. Он предложил подругам приехать на Майорку, подзаработать денег на его плантациях.

Томео собирал урожай чуть ли не с половины острова. Почти все его друзья-фермеры давным-давно переметнулись в отельный и ресторанный бизнес, гораздо более выгодный, чем сельское хозяйство, и разрешали ему убирать урожай со своих полей, просто чтобы добро не пропадало.

Девушки наскоро завтракали в просторной кухне большого деревенского дома Томео, и хозяин вез их на машине в горы. Проезжая мимо огромных полей, засаженных деревьями миндаля и альгарробоса, Надя спрашивала у Ани, которая уже была здесь год назад: «А чьи это плантации?» — «Томео». — «А кто здесь убирает урожай?» — «Томео».

Прямо как в сказке: «А чьи это поля?» — «Маркиза Карабаса».

Работа в поле нудная и тяжелая. Сбирать альгарробас — не сахар кушать. Сначала длинной палкой с изогнутым концом зацепи за ветку, хорошенько ее потряси, чтобы стручки свалились на землю, а потом сгребай их в огромные мешки.

Помучившись несколько дней, девушки, в конце концов, додумались до разделения труда. Высокая длиннорукая Надя орудовала палкой, а маленькая ловкая Аня быстро кидала стручки в мешки.

С утра было еще ничего, свежо, но днем воздух накалялся. Девушки не устраивали себе обязательной для Испании сиесты. Они мужественно работали без перерыва на обед, наскоро перекусывая сладкой хурмой и сливами, которые росли тут же.

В первые дни выходили в купальниках, но быстро обгорели и стали наряжаться в длинные юбки и кофты с рукавами.

К вечеру жара спадала, становилось легче. А потом появлялся Томео на машине, чтобы забрать их обратно. Иногда с ним был отец, который тоже жил на ферме. Папа работодателя каждый раз важно спрашивал у девушек: «Cuantos sacos?»¹

Часто Томео отвозил подружек после трудового дня на море. Вечером туристов на пляже почти не было, и работницы наслаждались прогревавшимися за день водой и галькой. Над потемневшим морем всходила луна, волны мерно набегали на берег, негромко шумел ветер в пальмах.

Девушки скользили по вечерним волнам, как рыбки. Томео с берега молча наблюдал за ними. Но однажды Аня с Надей слишком увлеклись купанием. С берега донесся крик: Томео, зайдя по пояс в воду, отчаянно жестикулировал. Испугавшись, девушки повернули обратно. Их встретил разъяренный хозяин. Они заплывли слишком далеко, он за них отвечает...

Аня с Надей с трудом успокоили Томео. В конце концов, сменив гнев на милость, он отвез подружек в ночной бар.

Еще в начале «трудового семестра» Томео предупредил своих работниц, что обеспечит их питанием, но не собирается оплачивать «девичьи капризы». Вот почему, перед тем, как ехать в магазин за продуктами, они вместе составляли список, состоявший из двух граф: «еда» и «капризы».

— Что мы сегодня будем покупать? — важно начинал Томео.

— Курицу, — отвечала Аня.

— Курица — это еда, — отвечал Томео. — А еще что?

— Шоколад.

— Шоколад — это каприз, — недовольно замечал Томео и вписывал шоколад в другую графу. — Что еще?

— Капусту.

¹ «Сколько мешков?» (исп.).

— Капуста — это еда, — соглашался Томео.
 — Клубнику.
 — Клубника — это еда, — немного подумав, неохотно твердил Томео.
 — Взбитые сливки.
 — Это каприз.
 Ну, и так далее.

В магазине им пробивали один чек на все продукты. Но вечером Томео старательно подчеркивал в чеке «капризы» и грозился, что вычтет их стоимость из заработка девушек.

Однажды на кухне вечером Томео о чем-то сильно задумался. Минута, другая... Девушки озадачились.

— Томео, что случилось? — спросила Аня.
 — Я решаю, что есть — йогурт или грушу, — важно ответил парень.
 — Так ты ешь и то, и другое, — Аня едва сдержала смех.
 — Я буду потолстеть, — печально ответил Томео.

По выходным он возил девушек по всему острову. Их взору открывались горные хребты, густые леса, плодородные долины. А небольшие заливы и лагуны, полные теплой прозрачной воды, так и звали искупаться. Везде зрели оливки, сливы, хурма. Здесь Аня с Надей впервые увидели, как растут апельсины. Остров щедро одаривал местных жителей и туристов плодами. Он казался подружкам райским уголком, невзирая на тяжелый труд на плантациях.

Однажды они заехали в деревушку Дейя — пристанище художников, скульпторов, керамистов. Побродив по лавкам и купив сувениров, маленькая компания отправилась в ресторан. Томео заказал какие-то испанские блюда и домашнее вино в кувшине. Все наслаждались вкусным обедом. Неожиданно официант поднес им еще бутылку вина. Оказалось, что испанские парни за соседним столиком засмотрелись на красивых русских девушек и послали им презент.

Томео возмутил этот подарок. Девушкам же было лестно, и они не поняли, с чего это Томео так раскипятился.

На обратном пути все молчали. Надя прижимала к себе бутылку вина, которую они так и не выпили в ресторане. Дорога шла вдоль гор. Уже темнело, всходила луна, Томео мрачно смотрел перед собой и гнал машину. Внезапно с проселочной дороги на шоссе выскочил шикарный «мерседес»: их скромное авто едва успело затормозить. Через несколько секунд из «мерса» вылез настоящий мачо ростом под метр девяносто, с огромными накачанными бицепсами. Томео тоже вышел, и мачо начал что-то ему доказывать, отчаянно жестикулируя. Томео буквально взорвался. Девушки испугались. Они уже знали испанский темперамент и боялись, что дело дойдет до драки. Аня с Надей смело встали между детиной и невысоким худощавым Томео.

Увидев девушек, похожих на взъерошенных пташек, мачо вдруг рассмехался и поднял руки, как бы говоря: «Да что вы, что вы!»

Напряжение сразу спало, и парень заговорил совсем другим, примирительным тоном. Томео объяснил девушкам, что это сын местного фермера, который перешел в ресторанный бизнес и теперь приглашает их в свой ресторан поужинать, но он, Томео, отказался от приглашения — завтра рано вставать на работу. Когда мачо наконец-то укатил на своем «Мерседесе», Томео перевел его последние слова: «И таких красивых девушек ты заставляешь работать?! Варвар!»

Внешне Томео относился к обеим девушкам одинаково: обеим только оставалось догадываться, которая из них ему больше нравится. Шутки его были по-детски наивны. Однажды в руке у него оказался банан. Девушки уж было обрадовались, что сейчас съедят по полбанана, но Томео важно объявил: «Это мне». Только они хотели шутливо отчитать его за скаредность, как он достал из-за спины гроздь бананов: «А это вам!»

Дни бежали за днями. Томео по-прежнему отвозил девушек с утра на работу, а вечером забирал либо домой, либо на пляж.

Однажды подруги решили съездить в Барселону на праздник Мерсе, покровительницы города. Томео отвез их на машине до пристани в Пальма-де Майорке. Он был, как всегда, довольно нелепо одет: в брюки в полосочку и рубашку в клеточку. Он любил одеваться в вещи из секонд-хенда, хотя дома у него был полный шкаф новой дорогой одежды.

— Томео, если ты приедешь нас встречать в таком наряде, мы в твою машину не сядем, — строго-настрого предупредила его Аня. Но Томео только хмыкнул.

Оказавшись на пароме, девушки тут же отправились в бар, взяли по коктейлю и вышли на палубу. Был вечер пятницы, уже темнело, дул легкий бриз. Ночевать они остались на диванах в баре, чтобы не спускаться в неудобный трюм на свои сидячие места. Кое-как выпавшись, Аня с Надей спустились по трапу на пристань, где их уже встречал Эдуардо, их общий с Томео друг. Сначала они поехали к нему на квартиру, приняли душ и плотно позавтракали. А потом Эдуардо повез их показывать город.

Знаменитые здания Гауди *Sacrado Familia* напоминали замки из песка. Вдоволь налюбовавшись на фантазию архитектора, девушки оказались в Гюэль — центральном парке Барселоны, напоминающем диковинный лес, в котором скамейки росли прямо из земли, как деревья. В конце концов, Эдуардо отвез их на *Avenida Diagonal*. Центральный проспект Барселоны в преддверии праздника был по-особенному украшен. Уже темнело, и во всех заведениях зажигались огни. Девушки зашли в одну из кафешек и выпили кофе с вкуснейшим миндальным пирогом.

На следующий день подружки вновь отправились на Avenida Diagonal, чтобы посмотреть карнавал. Это было красочное шествие с барабанщиками и множеством людей в колонне, одетых в самые разнообразные костюмы и маски, в конце которого наиболее отчаянные каталонцы составили настоящую живую пирамиду.

Так прошел воскресный день. Находясь под впечатлением от праздника, Надя несколько не расстроилась, когда обнаружила, что у нее украли из сумочки фотоаппарат. Что поделать, воришки встречаются в любом крупном городе, особенно на центральных улицах. Ей было только немножко жаль потерянных снимков.

Сердечно попрощавшись с Эдуардо, закатившим на прощание шикарный ужин, Аня и Надя сели на паром и спустились в трюм — в бар они решили на этот раз не заглядывать. Они мирно дремали на своих сидячих местах, приготовившись спать так до конца путешествия, но уже глубокой ночью девушек разбудили пение и топот ног: два горячих испанских парня устроили импровизированную дискотеку. Любят испанцы попеть и потанцевать!

Паром пришвартовался в порту Пальма-де-Майорки. Заспанные подружки выбрались на берег. Здесь их встречал Томео. Конечно же, он был в рубашке в клеточку и брюках в полосочку. И девушкам ничего не оставалось, как сесть в его машину, несмотря на их грозное предупреждение.

Впереди у них были новые рабочие будни на плантациях альгарробаса. Томео тоже не сидел без дела. Он убирал миндаль на специальном тракторе. Эта машина плотно захватывала ствол дерева, потом вокруг ствола раскрывался брезентовый купол, напоминавший перевернутый зонтик, и трактор так сильно тряс дерево, что миндаль осыпался в купол.

Иногда к девушкам на плантацию забредали овцы. Ведь когда Аня с Надей трясли ветви альгарробаса, осыпались не только стручки, но и зеленые листья, которые были по вкусу животным. Девушкам приходилось отгонять их, чтобы они не мешали работать.

Вечером троица всегда собиралась на кухне. Девушки готовили немудреный ужин, который затягивался надолго, так как Томео любил с ними поговорить. Надя привезла Томео в подарок из Санкт-Петербурга бутылку водки, и они пригубляли по полрюмочки из этой бутылки чуть ли не целый месяц. Томео вообще плескал себе на самое донышко.

— Почему ты не женишься? — как-то спросила его Аня.

— Никто берет меня, — важно ответил Томео.

Девушки хохотали. Никак было не втолковать Томео, что в русском языке два отрицания.

Иногда на кухню заходил папа и с недоумением наблюдал за их весельем. Старый добрый испанец не понимал, о чем они говорят и над чем так смеются.

У папы в спальне стоял инкубатор: в нем томились яйца — плоды любви каких-то экзотических птиц. Он ждал появления птенчиков и даже отметил в календаре, который висел на кухне, день их будущего вылупления, подписав рядом: «pajaros»². Когда папа заглядывал на кухню, девушки встречали его одним и тем же вопросом: «Cuando pajaros?»³.

Как-то раз подружки, как обычно, собирали альгарробас. Погода с утра стояла чудесная — светило солнце, но было не слишком жарко. К полудню в атмосфере что-то начало ощутимо меняться. С севера подул сильный ветер, нагнавший тучи. Птицы, крича, летали низко над землей, ветер подхватывал и гнал по полю сбитые зеленые листья. Буквально через несколько минут хлынул дождь — да и не дождь даже, а настоящий тропический ливень.

Девушки спрятались под самое большое дерево альгарробаса, которое они еще не успели обтрясти, но мощные струи легко пробивали густую листву. Через каких-то пять минут Аня с Надей были уже насквозь мокрые, ветер задирали их длинные юбки. Они не знали, как долго это будет продолжаться, а Томео все не ехал и не ехал...

Наконец ливень стих. Тучи постепенно рассеивались, над горами показались первые робкие лучи солнышка. Но продрогшие подружки так и стояли под деревом, прижавшись друг к другу.

В конце концов, приехал и Томео. Оказалось, что он работал где-то далеко. Он был очень расстроен тем, что Аня с Надей так промокли, и переживал, что они могут заболеть.

— Ах, вы мои мокрые цыпленки, — причитал Томео на обратном пути.

Дома подружки быстро переоделись во все сухое и вывесили свои мокрые юбки во двореке. А потом пошли на кухню отогреться горячим чаем и оставшейся водкой.

По каким-то неуловимым признакам Надя догадывалась, что Томео больше нравится Аня — маленькая, худенькая, ловкая, с большими карими глазами. Надя не обижалась: она готова была уступить парня подруге. А вот папа больше симпатизировал задумчивой Наде, высокой и стройной, с длинными, собранными в узел каштановыми волосами. Однажды, когда девушка сидела в гостиной и читала какой-то английский журнал, папа подошел к ней и, не сдержавшись, нежно погладил по голове.

Иногда они все вместе ужинали во внутреннем двореке. На улице быстро темнело, в небе зажигались южные звезды, в воздухе пахло апельсинами и лавандой, пели свои песенки сотни цикад. Эти домашние ужины

² Птицы (исп.).

³ «Когда птицы?» (исп.).

в полутьме были просто чудесными. Одним таким вечерком подружки испекли на ужин блины и начали учить Томео, как их правильно есть. Томео послушно положил джем на блин и свернул его трубочкой. Разумеется, джем тут же начал выливаться с другой стороны.

— Отвалилось от варенья! — с важным видом констатировал Томео.

Как-то хозяин с работницами отправились ужинать в ресторан. Девушки наслаждались вкусом местных блюд и терпким испанским вином. Когда ужин был почти закончен, им неожиданно поднесли три огромных порции мороженого, украшенные фруктами и листочками мяты. Аня и Надя с любопытством оглянулись, недоумевая, кто бы мог прислать им этот роскошный десерт, и увидели того самого мачо, с которым они когда-то пересеклись на горной дороге. Он стоял за стойкой и махал им рукой, приветливо улыбаясь. Оказалось, что они случайно забрели в его ресторан. Парень, видимо, рассчитывал на продолжение знакомства, но бдительный и ревнивый Томео увел девушек из ресторана, как только те доели мороженое.

В очередные выходные он повез подружек на север острова. Там уже чувствовалось приближение осени. Дул сильный ветер и гнал по мостовым первые опавшие листья. Приближался и их отъезд с Майорки. Через несколько дней работницы Томео должны были улететь.

Накануне их отъезда парень устроил полный расчет с девушками. Он уже отвез все мешки на фабрику, где перерабатывали альгарробас, который шел в качестве специальной добавки в шоколад, а также на комбикорм. Томео щедро расплатился с подругами. Они сами напомнили ему про «капризы», стоимость которых он обещал вычесть из их зарплаты. Но на это Томео только улыбнулся.

На следующий день он повез их в аэропорт и проводил до самого паспортного контроля. Там он бросил на Аню прощальный взгляд.

— Вот дурак-то, — сказала Аня. — Вот дурак!

Весь обратный путь она проплакала.

Антон Ракитин
Под счастливой звездой

С Софией Михайловной Родовинской нам довелось побеседовать в 2013 году. Именно эта встреча и послужила своего рода точкой отсчета для нашей работы, положила начало замечательным проектам «Мост поколений» и «Перерыв на войну». И не случайно статья о ней включена в завершающий блок материалов, публикуемых в рамках реализации идеи «Перерыв на войну» как уникальный проект социально-значимого НКО «Фонд "Мост поколений"». На момент встречи с Софией Михайловной ей уже исполнилось девяносто два года.

София Михайловна была коренной жительницей Петербурга-Ленинграда. Впервые она ощутила приближение войны летом 1941 года, оказавшись на работах по укреплению обороны города. Девятнадцатилетняя девушка вместе с отрядом молодежи копала противотанковые рвы в деревне в Ораниенбаумском (ныне Ломоносовском) районе. Население уже эвакуировали, и ребята остались в деревне совершенно одни.

Однажды вечером в окошко постучали. На пороге были моряки Балтийского флота: «Вы что тут делаете? Немцы в двух шагах отсюда, а вы здесь сидите!»

Они забрали ребят к себе на корабль и переправили в Ленинград.

Осенью в городе началась настоящая бомбежка. 7 ноября бомба попала в дом на Гороховой улице, где жила София с родителями. Их квартира была полностью разрушена. Но, к счастью, все члены семьи остались живы.

Родители Софии уже не работали, часто находились дома. При первых звуках sireны все спешили в бомбоубежище. Однако «бомбоубежищем» служило отнюдь не подземное сооружение с многометровыми бетонными стенами, как нам представляется сейчас. Это был обычный деревянный сарай, где предполагалось пережить бомбежки. Однако шансов в нем выжить все же было больше, чем в многоэтажном здании.